

БРАЙАН ХЭЙР *и* ВАНЕССА ВУДС
профессор эволюционной антропологии   антрополог, писатель и журналист

Выживает самый

дружелюбный

Почему женщины выбирают добродушных мужчин,
молодежь избегает агрессии и другие парадоксы,
которые помогут узнать себя лучше

Человек разумный. Удивительные
открытия о поведении и психике человека

Ванесса Вудс

**Выживает самый дружелюбный.
Почему женщины выбирают
добродушных мужчин,
молодежь избегает агрессии
и другие парадоксы, которые
помогут узнать себя лучше**

«ЭКСМО»

2020

УДК 159.9
ББК 88.3

Вудс В.

Выживает самый дружелюбный. Почему женщины выбирают добродушных мужчин, молодежь избегает агрессии и другие парадоксы, которые помогут узнать себя лучше / В. Вудс — «Эксмо», 2020 — (Человек разумный. Удивительные открытия о поведении и психике человека)

ISBN 978-5-04-173720-7

Со школы мы знаем, что в природе выживает самый приспособленный. Но так ли это на самом деле? Антрополог и доктор наук Брайан Хэйр сделал важное открытие: самая выгодная стратегия выживания – дружелюбие. Именно этот механизм позволил Homo Sapiens остаться жить и процветать, волкам полюбить людей, бонобо создать райское место и советскому ученому сделать мировой прорыв в генетике. Но у этого есть обратная сторона – мы жестоки к тем, кого не считаем своими друзьями. Человек способен дегуманизировать врагов и уничтожать целые народы. Все это из-за одного и того же механизма, который развил в нас эмпатию и милосердие. Исследование Брайана Хэйра объясняет войны прошлого и современную политику, а главное, почему нам так важно иметь общие интересы и помогать близким. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-04-173720-7

© Вудс В., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Введение	7
1. Размышление о мышлении	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Брайан Хэйр, Ванесса Вудс
Выживает самый дружелюбный
Почему женщины выбирают
добродушных мужчин, молодежь
избегает агрессии и другие парадоксы,
которые помогут узнать себя лучше

Всем людям

Из многих – единое

Brian Hare and Vanessa Woods
Survival of the Friendliest

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 by Brian Hare and Vanessa Woods

All rights reserved

© Есения Бирюзовая, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Введение

Шел 1971 год, миновало 17 лет с того момента, как в результате дела Брауна против Совета по образованию сегрегация в школах была объявлена незаконной, а в образовательных заведениях по-прежнему царил хаос.

Детям меньшинств часто приходилось ездить на учебу с одного конца города на другой на автобусе, а значит, вставать на два часа раньше, чем белокожим детям. Белокожие семьи отправляли своих чад в частные школы, если могли себе это позволить. Только беднейшие дети оставались в системе общественного школьного образования. Между расовыми группами ощущалась такая вражда, что у школьников почти не оставалось энергии на учебу. Педагоги, родители, инспекторы по вопросам несовершеннолетних, активисты по правам человека и социальные работники наблюдали за этим в смятении. Было неясно, сможет ли когда-нибудь начаться интеграция.

Карлос¹ учился в пятом классе общеобразовательной школы в Остине, штат Техас. Английский не был его родным языком. Он отвечал с запинками и, когда другие дети начинали над ним издеваться, запинаясь еще сильнее. Мальчик ушел в себя и практически не разговаривал.

Многие социологи предсказывали, что уничтожение сегрегации в школе приведет к ошеломительному успеху. Вынашивалась такая мысль: как только школьники окажутся в равных условиях, белокожие дети будут проявлять гораздо меньше расизма по отношению к людям с другим цветом кожи не только в школе, но и в дальнейшей жизни. Дети национальных меньшинств получают первоклассное образование, что настроит их на создание успешной карьеры в будущем.

Однако, понаблюдав за Карлосом и его одноклассниками, психолог Эллиот Аронсон выявил фундаментальную проблему. Дети в этой новоявленной интеграционной школьной системе были не равны. У белокожих учеников была лучше начальная подготовка, оснащение и больше возможностей полноценно отдыхать. Многие белокожие учителя впервые занялись обучением детей нацменьшинств и были настолько же смущены своими новыми обязанностями, как и белокожие студенты. Учитель Карлоса, видя, как его жестоко дразнят, и не желая лишний раз привлекать к ученику внимание, перестал к нему обращаться, тем самым неизбежно усугубляя изоляцию мальчика.

Были и преподаватели, которые не хотели учить детей нацменьшинств. Хотя они ничего не делали, чтобы поощрять безжалостную травлю со стороны белокожих учеников, они никак не пытались и пресечь ее.

В традиционной системе обучения дети постоянно соперничают между собой за одобрение со стороны учителя. Этот изначальный конфликт – когда успех одного ребенка ставит под угрозу успех другого – способен усилить токсичность среды, а интеграция усугубляет эту проблему. Белокожие студенты учились в своих школах многие годы и в новых одноклассниках видели вторженцев, имеющих более низкий статус. Что ожидаемо, к детям нацменьшинств относились враждебно.

Аронсон убедил учителя Карлоса попробовать нечто новое. Вместо того чтобы обращаться ко всему классу, задавая вопросы, выделяя некоторых студентов и пренебрегая остальными, Аронсон предложил выдавать маленькую порцию знания и сопутствующую ей силу каждому ученику.

Класс Карлоса изучал жизнь журналиста Джозефа Пулитцера. Аронсон разбил класс на группы по шесть человек. Каждый член группы Карлоса должен был подготовить информа-

---

¹ Имя вымышленное.

цию по одному этапу жизни Пулитцера, а в конце упражнения детей тестировали на знание биографии в целом. Карлос отвечал за информацию о зрелых годах журналиста. Когда подошла очередь мальчика, он, как всегда, начал запинаться. Дети подняли его на смех и обозвали тупицей. Помощник Аронсона между делом отметил:

«Вы можете говорить такие вещи сколько угодно, но это не поможет вам узнать о жизни Пулитцера в зрелости, а у вас проверочная по его биографии через 20 минут».

Тогда одноклассники быстро осознали, что они не соревнуются с Карлосом, а нуждаются в нем. Когда они заставляли Карлоса нервничать, ему было сложнее объяснить, о чем он узнал, поэтому ребята стали доброжелательными интервьюерами и аккуратно вытягивали из мальчика знания. Спустя несколько недель подобной работы над проектами Карлос стал чувствовать себя комфортнее с другими детьми и одноклассники стали относиться друг к другу добрее.

Аронсон ввел метод мозаики: каждый ребенок в группе был обладателем частички знания – составной части всего урока². Мощного эффекта можно было добиться, работая таким образом всего несколько часов в неделю. Через шесть недель Аронсон выяснил, что всем детям члены их мозаичной группы нравились больше, чем остальные одноклассники, – независимо от расовой принадлежности. Им стала интереснее учеба, повысилась самооценка. Дети, к которым применили метод мозаики, показали лучшие академические результаты, чем ученики из классов-соперников. А самый большой прорыв случился у детей нацменьшинств. Ребята, испытывавшие на себе эту методику, легче проявляли эмпатию. Как только ученики установили дружеские отношения, можно было возвращать в класс стандартную конкурирующую модель. Методы совместного обучения повторялись с аналогичными результатами в сотнях различных исследований и в тысячах классов по всем Соединенным Штатам³⁴⁵⁶

Выживает самый приспособленный

Почти все, что мы творим как общество, предопределяют наши представления о человеческой природе⁷. Теории о том, являются ли некие люди от рождения хорошими или дурными, оказывают влияние на то, кого и на какой срок мы заключаем в тюрьму. Теории о том, действительно ли одни группы людей «ценнее» других, влияют на наши экономические стратегии. Теории о том, правда ли некоторые люди от рождения умнее других и что из себя должен представлять интеллект, определяет, как мы обучаем своих детей.

Пожалуй, ни одна народная теория о человеческой природе не принесла так много вреда – или не была более ошибочной, – чем «выживание самого приспособленного». Идея о том, что выживает самый сильный и безжалостный, тогда как слабый погибает, была наглухо вбита в коллективное сознание примерно в то время, когда опубликовали пятое издание «Происхождения видов» Чарльза Дарвина в 1869 году. В качестве аксиомы естественного отбора он указал: «Более точно и иногда в равной степени удобно говорить о том, что выживает самый приспособленный».

---

² E. Aronson, Cooperation in the classroom: The jigsaw method. (Printer & Martin Limited, 2011).

³ D. W. Johnson, G. Maruyama, R. Johnson, D. Nelson, L. Skon, Effects of cooperative, competitive, and individualistic goal structures on achievement: A meta-analysis. Psychological bulletin 89, 47 (1981).

⁴ D. W. Johnson, R. T. Johnson, An educational psychology success story: Social interdependence theory and cooperative learning. Educational researcher 38, 365–379 (2009).

⁵ M. J. Van Ryzin, C. J. Roseth, Effects of cooperative learning on peer relations, empathy, and bullying in middle school. Aggressive behavior. (2019).

⁶ C. J. Roseth, Y.-k. Lee, W. A. Saltarelli, Reconsidering jigsaw social psychology: Longitudinal effects on social interdependence, sociocognitive conflict regulation, motivation, and achievement. Journal of Educational Psychology 111, 149 (2019).

⁷ D. L. Smith, Less than human: Why we demean, enslave, and exterminate others. (St. Martin's Press, 2011).

Но где-то по ходу дела «приспособленность» приравнялась к физическому здоровью. Логика дикой природы гласит: чем ты крупнее, тем лучше ты дерешься, тем меньше другие захотят с тобой связываться и тем успешнее ты станешь. Ты можешь единолично присвоить себе лучшую еду, самых привлекательных половых партнеров и возможность иметь больше потомства.

В течение последних 150 лет эта ошибочная версия «приспособленности» лежала в основе общественных движений, корпоративной реорганизации и крайних точек зрения на свободный рынок. Ее использовали, чтобы объяснить упразднение правительства, определить пониженный статус некоторых социальных групп и оправдать вытекающую в результате этого жестокость. Но для Дарвина и современных биологов «выживание самого приспособленного» означает нечто весьма специфическое – надлежащую способность к выживанию и оставлению жизнеспособных потомков. Ничего другого не подразумевается.

Дарвина неизменно впечатляли доброта и содействие, наблюдаемые в природе, и он писал, что «сообщества, в кои входит самое большое количество способных к сочувствию особей, будут процветать и растить самое многочисленное потомство»⁸. Ученый и его многочисленные последователи-биологи документально подтвердили, что идеальный способ победы в игре эволюции – по максимуму развить дружелюбность, чтобы обеспечить процветание сотрудничества^{9,10,11}.

Идея, что «выживает самый приспособленный», в той форме, в какой она существует в популярном представлении, может стать чудовищной стратегией выживания. Исследования показывают, что, если вы будете самым крупным, сильным и злобным животным, вы всю жизнь будете страдать от стресса¹². Социальный стресс высасывает энергию из вашего тела, оставляя ослабленный иммунитет и снижение способности к воспроизведению потомства¹³. Агрессия также обойдется вам дорого, потому что драки усиливают шанс оказаться травмированным или даже убитым^{14,15}. Такая «приспособленность» может дать вам статус альфы, но также сделает вашу жизнь «беспросветной, жестокой и скоротечной»^{16,17,18}.

Эта книга посвящена альтернативной стратегии – дружелюбию. Дружелюбие можно грубо определить как намеренное или непреднамеренное сотрудничество или положительное поведение по отношению к другим. Оно так часто встречается в природе, потому что обладает незаурядной силой. В людском проявлении дружелюбие может быть таким примитивным, как подойти к кому-то для социального контакта, или таким сложным, как прочесть чужие мысли, чтобы совместными усилиями добиться общей цели¹⁹.

---

⁸ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор, 1880.

⁹ B. Hare, Survival of the friendliest: Homo sapiens evolved via selection for prosociality. Annual review of psychology 68, 155–186 (2017).

¹⁰ R. Kurzban, M. N. Burton-Chellew, S. A. West, The evolution of altruism in humans. Annual review of psychology 66, 575–599 (2015).

¹¹ F. B. De Waal, F. de Waal, Peacemaking among primates. (Harvard University Press, 1989).

¹² R. M. Sapolsky, The influence of social hierarchy on primate health. Science 308, 648–652 (2005).

¹³ N. Snyder-Mackler, J. Sanz, J. N. Kohn, J. F. Brinkworth, S. Morrow, A. O. Shaver, J.-C. Grenier, R. Pique-Regi, Z. P. Johnson, M. E. Wilson, Social status alters immune regulation and response to infection in macaques. Science 354, 1041–1045 (2016).

¹⁴ C. Drews, Contexts and patterns of injuries in free-ranging male baboons (*Papio cynocephalus*). Behaviour 133, 443–474 (1996).

¹⁵ M. L. Wilson, C. Boesch, B. Fruth, T. Furuichi, I. C. Gilby, C. Hashimoto, C. L. Hobaiter, G. Hohmann, N. Itoh, K. J. N. Koops, Lethal aggression in Pan is better explained by adaptive strategies than human impacts. 513, 414 (2014).

¹⁶ Гоббс Т. Левиафан. – Москва: АСТ, 2021.

¹⁷ F. De Waal, F. B. Waal, Chimpanzee politics: Power and sex among apes. (JHU Press, 2007).

¹⁸ L. R. Gesquiere, N. H. Learn, M. C. M. Simao, P. O. Onyango, S. C. Alberts, J. Altmann, Life at the top: rank and stress in wild male baboons. Science 333, 357–360 (2011).

¹⁹ B. Hare, Survival of the friendliest: Homo sapiens evolved via selection for prosociality. Annual review of psychology 68, 155–186 (2017).

Это древняя стратегия. Миллионы лет назад митохондрии представляли собой свободно плавающие бактерии – до тех пор, пока их не поглотили более крупные клетки. Митохондрии и более крупные клетки объединили усилия и превратились в батареи, которые питают функционирование клеток в теле животных²⁰. Кишечная флора, которая, помимо прочего, позволяет переваривать пищу, вырабатывает витамины и формирует органы, является результатом аналогичного взаимовыгодного партнерства между микробами и вашим телом²¹. Цветы появились позднее большинства растений, но их сотрудничество с опыляющими насекомыми оказалось настолько успешным, что они теперь доминируют в ландшафте²². Муравьи, которые по количеству представляют собой примерно пятую часть всех живущих на Земле сухопутных животных, способны формировать суперорганизмы численностью до 50 миллионов особей. Эти суперорганизмы действуют как полноценная ячейка общества²³.

Каждый год я²⁴ ставлю перед своими студентами непростую задачу: применить теорию эволюции к решению глобальных проблем. В этой книге мы берем на себя аналогичную задачу. Наша работа посвящена дружелюбию и тому, как оно превратилось в предпочтительную стратегию эволюции. Это книга о том, как понять животных – главную роль здесь играют собаки – и, сделав это, лучше понять самих себя. Здесь же мы исследуем обратную сторону дружбы и способность быть жестокими к тем, кого не считаем своими друзьями. Если мы сможем выработать понимание того, как эволюционировала эта двойственная природа, у нас получится по-новому подойти к социальной и политической поляризации, которая угрожает либеральной демократии во всем мире.

Самый дружелюбный человек

У нас есть тенденция размышлять об эволюции как об истории созидания. Однажды, давным-давно, произошло нечто, и это нечто продолжило развиваться линейно. Но эволюцию нельзя воспринимать как тонкую линию жизненных форм, стремящуюся вверх – к совершенствованию *Homo sapiens*. Многие виды были успешнее нас. Они жили на миллионы лет дольше нас и стали прародителями дюжин других видов, которые продолжают существовать в наше время.

Эволюция нашей собственной ветки с момента отделения от общего с бонобо и шимпанзе предка примерно 6–9 миллионов лет назад произвела дюжины различных видов в рамках рода *Номо*. ДНК и анализ ископаемых подтверждают, что большую часть каких-то 200–300 тысяч лет существования *Homo sapiens* мы делили планету минимум с четырьмя другими видами людей²⁵. У некоторых из этих людей мозг был крупнее или равен нашему. Если бы размер мозга был определяющим фактором успеха, эти люди смогли бы выжить и процветать, как и мы. Но их популяции были относительно редки, а технологии – хотя и впечатляющие в сравнении с нерукотворными – остались весьма ограниченными, поэтому в какой-то момент они вымерли.

---

²⁰ M. W. Gray, Mitochondrial evolution. Cold Spring Harbor Perspectives in Biology 4, a011403 (2012); published online EpubSep 1 (10.1101/cshperspect.a011403).

²¹ L. A. David, C. F. Maurice, R. N. Carmody, D. B. Gootenberg, J. E. Button, B. E. Wolfe, A. V. Ling, A. S. Devlin, Y. Varma, M. A. Fischbach, S. B. Biddinger, R. J. Dutton, P. J. Turnbaugh, Diet rapidly and reproducibly alters the human gut microbiome. Nature 505, 559–563 (2014); published online EpubJan 23 (10.1038/nature12820).

²² S. Hu, D. L. Dilcher, D. M. Jarzen, Early steps of angiosperm-pollinator coevolution. Proceedings of the National Academy of Sciences 105, 240–245 (2008).

²³ B. Holldobler, E. O. Wilson, The superorganism: the beauty, elegance, and strangeness of insect societies. (WW Norton & Company, 2009).

²⁴ Хотя Брайан и Ванесса – равноправные авторы этой книги, основной фокус внимания получило исследование Брайана, поэтому под «я» будет иметься в виду именно он.

²⁵ B. Wood, E. K. Boyle, Hominin taxic diversity: Fact or fantasy? American journal of physical anthropology 159, 37–78 (2016).

Даже если бы мы были единственными людьми с большим мозгом, нам бы все равно пришлось объяснять пробел как минимум в 150 тысяч лет между появлением наших следов в ископаемых и динамичным прорывом в нашей популяции и культуре. Хотя физические различия с другими людьми, отмеченные на заре эволюции, сформировались довольно рано, еще минимум в течение 100 тысяч лет после нашего возникновения как вида в Африке мы оставались культурно незрелыми. Мелькали только намеки на технологию, благодаря которой мы будем известны: лезвия, аккуратно обработанные для придания симметричных форм; объекты, раскрашенные красным пигментом; подвески из костей и ракушек. Тысячи лет эти инновации тлели, но не горели²⁶²⁷²⁸.

Если бы 100 тысяч лет назад мы делали прогнозы, какой из человеческих видов окажется последним выжившим, наш вид был бы далеко не первым в списке. Самым вероятным претендентом был бы *Homo erectus*, вышедший за пределы Африки 1,8 миллиона лет назад и ставший самым распространенным на Земле. *Homo erectus* – исследователи, экспериментаторы и воины. Они колонизировали большую часть нашей планеты и заодно научились подчинять себе огонь, чтобы согреться, обеспечить защиту и приготовить пищу.

Homo erectus стали первыми людьми, успешно применившими каменные орудия, в том числе ашельский ручной топор. Для изготовления инструментов использовали кварц, гранит и базальт²⁹³⁰. Особенности камня диктовали метод его обработки – скалывание или отслаивание. В результате получали каплеобразный, острый как бритва инструмент. Он был так искусно выполнен, что, когда его находили тысячи лет спустя, этому камню приписывали сверхъестественную силу. *Homo erectus* стали свидетелями расцвета и угасания многих человеческих видов и просуществовали дольше других людей, включая нас.

Мы продолжали использовать ручной топор, изобретенный *Homo erectus* за 1,5 миллиона лет до нашего появления. Генетическая экспертиза показывает, что наша популяция могла быть на грани вымирания³¹³²³³. Вероятно, *Homo erectus* считали нас очередной появившейся на короткий срок новинкой плейстоценового периода.

Отматываем время на 75 тысяч лет вперед. *Homo erectus* по-прежнему существуют, но их технологии не особо продвинулись, и можно делать ставки на преуспевающих неандертальцев. По размеру мозг неандертальца был равен мозгу современного человека или даже крупнее. Они были такого же роста, но тяжелее, и «избыточный вес» приходился на мышцы. Неандертальцы правили в ледниковый период. Хотя они были всеядны, неандертальцы предпочитали есть мясо, а это означало, что им приходилось быть умелыми охотниками. Их основным оружием служило длинное тяжелое копье, которое бросали с небольшого расстояния.

---

²⁶ A. Powell, S. Shennan, M. G. Thomas, Late Pleistocene demography and the appearance of modern human behavior. *Science* 324, 1298–1301 (2009).

²⁷ S. E. Churchill, *Thin on the ground: Neandertal biology, archeology and ecology*. (John Wiley & Sons, 2014), vol. 10.

²⁸ A. S. Brooks, J. E. Yellen, R. Potts, A. K. Behrensmeier, A. L. Deino, D. E. Leslie, S. H. Ambrose, J. R. Ferguson, F. d'Errico, A. M. J. S. Zipkin, Long-distance stone transport and pigment use in the earliest Middle Stone Age. 360, 90–94 (2018).

²⁹ N. T. Boaz, Dragon Bone Hill: an Ice-Age saga of *Homo erectus*. R. L. Ciochon, Ed. (Oxford University Press, Oxford; New York, 2004).

³⁰ C. Shipton, M. D. Petraglia, in *Asian Paleoanthropology*. (Springer, 2011), pp. 49–55.

³¹ W. Amos, J. I. Hoffman, Evidence that two main bottleneck events shaped modern human genetic diversity. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* (2009).

³² A. Manica, W. Amos, F. Balloux, T. Hanihara, The effect of ancient population bottlenecks on human phenotypic variation. *Nature* 448, 346–348 (2007).

³³ S. H. Ambrose, Late Pleistocene human population bottlenecks, volcanic winter, and differentiation of modern humans. *Journal of Human Evolution* 34, 623–651 (1998); published online Epub1998/06/01.

Хищники обычно охотились на более мелких по размеру животных, чем они сами. Неандертальцы охотились на всех травоядных ледникового периода: маралов, северных оленей, лошадей и быков, а иногда даже мамонтов, которые были гораздо сильнее людей³⁴.

Неандертальцы были далеко не бурчащими троглодитами. У нас с ними есть общий вариант гена FOXP2, который отвечает за тонкую моторику, необходимую для речи³⁵. Неандертальцы хоронили своих покойников, заботились о больных и раненых, раскрашивали тела пигментом и украшали себя ракушками, перьями и костями. В одном захоронении на мужчине нашли 3 тысячи жемчужин, украшавших его одежду, сшитую из шкур крупного рогатого скота. Отмечалась искусная выделка и грубые стежки, скрепляющие шкуры³⁶. Неандертальцы рисовали мифических персонажей на стенах пещер. В конце своей эпохи они имели многие из тех инструментов, которыми мы пользуемся в наши дни³⁷.

Знакомство Homo sapiens с неандертальцами пришлось на пик популяции последних. Наступающие ледники вынудили нас бежать в Европу, и неандертальцы заменили нас, поскольку были адаптированы к холодам. Если бы вы 75 тысяч лет назад ставили деньги на тех, кто выживет в неустойчивом климате грядущих тысячелетий, неандертальцы были бы хорошим вариантом.

Однако примерно 50 тысяч лет назад колесо Фортуны повернуло в нашу сторону. Хотя ашельский ручной топор служил всем видам человека свыше миллиона лет, мы разработали гораздо более сложный набор инструментов. Совершенствуя метательные копья неандертальцев, мы создали метательное орудие – копьеметалку. Она представляла собой 60-сантиметровую рукоятку, которая запускала деревянные стрелообразные снаряды длиной под 2 метра. Обычно наконечниками стрел были заостренные камни или кости, но здесь метательный снаряд был с одной стороны выдолблен и загнут крючком на древко³⁸. Срабатывали те же самые физические принципы, что и при работе игрушки Chuckit – устройства, при помощи которого хозяева собак метают мячи для своих питомцев. Даже обладая незаурядной физической силой, вручную вы смогли бы бросить стандартное копьё только на несколько десятков сантиметров. Накопленная в древке копьеметалки энергия могла вынести снаряд на более чем 9 метров при скорости свыше 160 километров в час.

Копьеметалки произвели фурор в охоте, позволив переключиться с не превышающего размер человека рогатого скота на дичь, которая летает, плавает и карабкается по деревьям. Нам стала доступна охота на мамонта без риска быть растоптанными или насаженными на бивни. Копьеметалки также стали революционным способом обороны. Мы могли выпустить копьё в саблезубого тигра или враждебно настроенного человека и нанести им серьёзный ущерб с безопасного для нас расстояния. Мы создавали острые наконечники для оружия, инструменты для гравировки, лезвия для резки и сверла для бурения. Мы изготавливали гарпуны из костей, сети и ловушки для рыбалки и силки для птиц и мелких млекопитающих. Несмотря на свое мастерство на охоте, неандертальцы были всего лишь заурядными плотоядными. Имея новую технологию, мы превратились в идеальных хищников, способных защищаться от других видов.

Мы выбрались из Африки и быстро распространились по всей Евразии. Возможно, за несколько тысяч лет мы бы даже добрались до Австралии. Для этого трудного марш-броска нам бы пришлось планировать, паковать еду на неизвестное время в пути, брать с собой инструменты на случай непредвиденных поломок и решать будущую возможную проблему с опрес-

---

³⁴ S. E. Churchill, *Thin on the ground: Neandertal biology, archeology and ecology*. (John Wiley & Sons, 2014), vol. 10.

³⁵ J. Krause, C. Lalueza-Fox, L. Orlando, W. Enard, R. E. Green, H. A. Burbano, J.-J. Hublin, C. Hanni, J. Fortea, M. De La Rasilla, *The derived FOXP2 variant of modern humans was shared with Neandertals*. *Current biology* 17, 1908–1912 (2007).

³⁶ F. Schrenk, S. Muller, C. Hemm, P. G. Jestice, *The neanderthals*. (Routledge, 2009).

³⁷ S. E. Churchill, *Thin on the ground: Neandertal biology, archeology and ecology*. (John Wiley & Sons, 2014), vol. 10.

³⁸ S. E. Churchill, J. A. Rhodes, in *The Evolution of Hominin Diets*. (Springer, 2009), pp. 201–210.

нением морской воды. Древним мореплавателям приходилось обсуждать все максимально подробно, поэтому некоторые антропологи выдвигают гипотезу, что к тому времени уже существовал полноценный язык³⁹.

Самое примечательное, эти моряки должны были прийти к выводу, что за горизонтом что-то есть. Возможно, они изучили, как выглядят вблизи и вдали перелетные птицы, или наблюдали струящийся вдалеке дым от природных лесных пожаров. Даже в таком случае им требовалось представить себе, что там еще есть пространство, куда можно дойти.

К 25 тысячам лет назад наше превосходство стало ясно. Вместо кочевого образа жизни у нас были стоянки, на которых постоянно размещались сотни людей. Пространство лагеря было распределено по назначению: зоны для разделки мяса, готовки, сна и складирования мусора. Мы были сыты и владели инструментом для перемалывания и измельчения, который позволял обрабатывать и готовить еду, которая иначе была бы ядовитой. У нас имелись костровища для приготовления пищи, печи для выпекания хлеба и способы хранения продуктов в тяжелые времена⁴⁰.

Вместо наброшенных или небрежно стянутых шкур у нас была настоящая одежда, что стало возможным благодаря использованию тонких игл из кости. Появление уютных зимних комбинезонов говорило о том, что мы сможем лучше противостоять холоду и при этом наши организмы не потеряют калории, как у неандертальцев⁴¹. С такой экипировкой мы могли двигаться на север даже в периоды обледенения и мороза, поэтому со временем мы отправились в Америку – и стали первыми людьми, преодолевшими этот путь.

Но этот период, ныне известный как верхний палеолит, был примечателен не только совершенствованием орудий и улучшением условий жизни⁴². Примерно в это время мы начали проявлять признаки уникальных форм когнитивной деятельности⁴³. Некоторые люди украшали себя зубами или янтарем, что, вероятно, служило первым признаком их социального статуса. Бижутерию из ракушек находили за сотни километров от побережья. Это значило, что объекты, не имеющие практической ценности, стоили того, чтобы нести их так далеко, или были получены от первопроходцев торговых маршрутов^{44,45}.

Мы рисовали животных на скалах так искусно, что контуры камня, выступающие за их телами, давали эффект 3D. Настенные рисунки медведей и бизонов с восемью ногами, которые словно бежали в свете костра, могли стать прототипом современного кино. Казалось, будто наши иллюстрации были с озвучкой: лошади ржали, разинув пасти, львы рычали, а носороги так яростно бодались, что чудилось кланье рогов. Мы не просто имитировали реальную жизнь, мы воображали и живописали мистических существ: женщину с головой льва, мужчину с телом бизона^{46,47}.

---

³⁹ B. Davies, S. H. Bickler, A. Traviglia, in *Across Space and Time: Papers from the 41st Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology*, Perth, 25–28 March 2013. (Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015), pp. 215–223.

⁴⁰ B. Davies, S. H. Bickler, A. Traviglia, in *Across Space and Time: Papers from the 41st Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology*, Perth, 25–28 March 2013. (Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015), pp. 215–223.

⁴¹ O. Soffer, Recovering perishable technologies through use wear on tools: preliminary evidence for Upper Paleolithic weaving and net making. *Current Anthropology* 45, 407–413 (2004).

⁴² J. F. Hoffecker, Innovation and technological knowledge in the Upper Paleolithic of northern Eurasia. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews* 14, 186–198 (2005).

⁴³ O. Bar-Yosef, The upper paleolithic revolution. *Annual Review of Anthropology* 31, 363–393 (2002).

⁴⁴ S. McBrearty, A. S. Brooks, The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior. *Journal of human evolution* 39, 453–563 (2000).

⁴⁵ M. Vanhaeren, F. d'Errico, C. Stringer, S. L. James, J. A. Todd, H. K. Mienis, Middle Paleolithic shell beads in Israel and Algeria. *Science* 312, 1785–1788 (2006).

⁴⁶ G. Curtis, *The cave painters: Probing the mysteries of the world's first artists*. (Anchor, 2007).

⁴⁷ H. Valladas, J. Clottes, J.-M. Geneste, M. A. Garcia, M. Arnold, H. Cachier, N. Tisnerat-Laborde, Palaeolithic paintings: evolution of prehistoric cave art. *Nature* 413, 479 (2001).

Это был поведенческий модернизм: мы выглядели и вели себя как современные люди. Внезапно наши технологии и культура стали гораздо мощнее и искуснее, чем у других представителей человеческого рода. Но каким образом? Что с нами случилось и почему это произошло только с нами?

Тем, что позволило нам расцвести, тогда как другие виды людей вымерли, была когнитивная сверхсила: определенного рода дружелюбие, именуемое кооперативной связью. Мы – эксперты совместного труда, которые практикуют его даже с незнакомцами. Мы способны взаимодействовать с неизвестным нам человеком на благо общей цели и совместно трудиться ради ее достижения. Как и следовало ожидать, шимпанзе во многом не уступают человеку с точки зрения способности к познанию. Но в море сходных черт существует огромный пробел – им сложно понять, когда коммуникация ведет к достижению общей цели. Это означает, что приматы, несмотря на ум, почти не способны синхронизировать свое поведение, координировать различные роли, передавать друг другу инновации или хотя бы общаться за рамками элементарных потребностей. У нас эти умения развиваются до того, как мы начинаем ходить и говорить, и являются ключом к продвинутому социальному и культурному миру. Они позволяют нам включаться в сознание других людей и наследовать знания многих поколений. Они лежат в основе всех форм культуры и познания, включая сложный язык, и именно сплоченные группы этих культурных людей изобрели передовые технологии. *Homo sapiens* процветали там, где другие виды умных людей не были на это способны, поскольку не смогли отточить навыки сотрудничества.

Когда я начал изучать животных, я был так сосредоточен на общественной конкуренции, что мне и в голову не пришло, что коммуникация или дружелюбие могут быть важны для когнитивного развития не только животных, но и нас с вами. Я полагал, что эволюционную пригодность животного определяет развитый навык манипулирования или способности обманывать. Но оказалось, что интеллектуальное превосходство – это далеко не все. Наши эмоции играют преувеличенную роль в том, что видится нам результативным, болезненным, привлекательным или отвратительным. Наши предпочтения в решении определенных проблем так же влияют на определение познавательной способности, как и на способность считать. Самое искушенное общественное осознание, память или стратегия не будут способствовать развитию инновации, если она не идет вкуче со способностью взаимодействовать с другими.

Это дружелюбие возникло в результате одомашнивания самих себя⁴⁸. Одомашнивание во многих поколениях не ведет, как было принято думать, к снижению интеллекта. Оно усиливает дружелюбие. В процессе одомашнивания животное проходит через множество изменений, которые не имеют никакого отношения друг к другу. Данный паттерн изменений, называемый синдромом одомашнивания, сказывается на форме наших лиц, размере зубов, пигментации частей тела или волос. Он включает в себя изменение гормонального фона, репродуктивных циклов и нервной системы. В ходе исследования мы также узнали, что при определенных условиях он усиливает нашу способность к координации и коммуникации.

Все эти изменения, кажущиеся разрозненными, привязаны к развитию. Мозг и тело одомашненных особей развиваются иначе, чем у более агрессивных. Поведение, которое способствует социальным связям, например игра, проявляется раньше и сохраняется дольше – даже в зрелом возрасте – у одомашненных особей, чем у их родственников. Изучение одомашнивания других видов позволило нам понять, каким образом развилась наша когнитивная сверхсила.

Одомашнивание – не просто результат искусственной селекции, проводимой людьми при отборе животных для разведения. Это также результат природного отбора. В данном случае селекция делает акцент на дружелюбии, направленном на другие виды или собственный вид.

---

⁴⁸ B. Hare, Survival of the friendliest: *Homo sapiens* evolved via selection for prosociality. *Annual review of psychology* 68, 155–186 (2017).

Именно под этим мы подразумеваем одомашнивание самих себя. Оно дало нам преимущество дружелюбия, необходимое для преуспевания, тогда как другие виды людей вымерли. На данный момент мы наблюдаем это в себе, собаках и в наших ближайших родственниках – бонобо. Эта книга о том, какое открытие объединяет эти три вида, и помогает понять, как мы стали теми, кем являемся на сегодняшний день.

Становясь все более дружелюбными⁴⁹, мы смогли перейти от проживания в небольших группах из 10–15 особей, как это было у неандертальцев, к более крупным группам из 100 и более человек. Даже не имея мозга крупнее, в больших и лучше скоординированных группах мы легко получали превосходство перед другими группами людей. Наша чувствительность по отношению к другим позволяла развивать более сложные пути сотрудничества и общения, что направляло наши культурные способности по совершенно другой траектории. Мы могли стремительнее других создавать инновации и делиться ими. У других людей не было и шанса.

Однако у нашего дружелюбия имеется темная сторона. Когда мы ощущаем, что группе, которую мы любим, угрожает опасность от другой социальной группы, мы способны выключить несущую угрозу группу из нашей ментальной сети – что позволяет дегуманизировать ее. Там, где мы могли бы чувствовать эмпатию и сострадание, мы не чувствуем ничего. Будучи неспособными на эмпатию к опасным аутсайдерам, мы не видим в них людей и способны проявить самые худшие формы жестокости. Мы одновременно самые толерантные и самые безжалостные существа на планете⁵⁰.

* * *

Риторика дегуманизации процветает в современном Конгрессе США, где поляриность в наши дни проявляется гораздо ярче, чем в любой период начиная с Гражданской войны⁵¹. Республиканец Джим Лич заявляет, что «в кулуарах республиканцы говорят реально неадекватные вещи о демократах»⁵². А бывший сенатор от демократической партии Том Дэшл высказался, что «эти подтасовки стали пропагандой...» и произошло разделение на «мы» и «они», процветают настроения с посылом «добейте их»⁵³. Социальные сети вынесли бренд враждебности на всеобщее обозрение. Когда была опубликована цитата Дональда Трампа «Пограничная стена – изгородь зоопарка, защищающая вас от животных», конгрессвумен от Демократической партии Ильхан Омар в качестве ответной любезности сказала: «Чем выше лезет обезьяна, тем лучше виден ее зад».

В недавнем прошлом в Вашингтоне была более доброжелательная обстановка. Рональд Рейган приглашал в Белый дом на бокал вина как демократов, так и республиканцев – «потравить анекдоты»⁵⁴. Демократы и республиканцы ехали в одной машине из родных городов в столицу, были в пути всю ночь и менялись за рулем. «Мы спорили как черти в нижней палате, – говорил Дэн Ростенковски, конгрессмен штата Иллинойс от Демократической партии, – но вечером вместе играли в гольф»⁵⁵. Когда Рейган позвонил спикеру палаты Типу О'Нейлу после особо жаркой пикировки, тот сказал: «Старина, это политика, после шести вечера мы можем дружить»⁵⁶.

---

⁴⁹ Если не указано иное, под человеком далее подразумевается *Homo sapiens*.

⁵⁰ W. Amos, J. I. Hoffman, Evidence that two main bottleneck events shaped modern human genetic diversity. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* (2009).

⁵¹ N. McCarty, K. T. Poole, H. Rosenthal, *Polarized America: The dance of ideology and unequal riches*. (mit Press, 2016).

⁵² C. Gibson, «Restoring Comity to Congress» (Harvard Kennedy School, 2011).

⁵³ C. Gibson, «Restoring Comity to Congress» (Harvard Kennedy School, 2011).

⁵⁴ C. Gibson, «Restoring Comity to Congress» (Harvard Kennedy School, 2011).

⁵⁵ C. News, in CBS News (2010).

⁵⁶ S. J. Tolchin, J. A. Farrell (JSTOR, 2003).

Такой конгресс умел делать свое дело. Гораздо больше законопроектов, чем в наши дни, представлялось и претворялось в жизнь. Больше людей голосовало за наведение мостов между политическими партиями. В 1967 году республиканцы и демократы пропустили Закон о гражданских правах, самый важный в общественном законодательстве в прошлом веке. И демократы, и республиканцы работали над тем, чтобы внедрить план налогообложения Рейгана, наиболее значимую реформу налогов в современной истории.

Затем в 1995 году молодой конгрессмен-республиканец из Джорджии по имени Ньют Гингрич создал план по ослаблению демократов в Конгрессе, где они доминировали более 40 лет. По его теории, до тех пор, пока Конгресс работоспособен, людям не захотелось бы менять партию, под контролем которой он находится: «Чтобы установить новый порядок, надо подорвать старый»⁵⁷.

Одной из основных тактик Ньюта Гингрича в роли спикера палаты в конце 90-х годов прошлого века было внедрение политик, которые делали дружбу между республиканцами и демократами сложной, чтобы не сказать невозможной. Он начал с того, что ввел в Вашингтоне трехдневный рабочий график вместо пятидневного, что дало представителям Республиканской партии возможность проводить большую часть времени в своих родных округах, общаясь с избирателями и занимаясь сбором средств. Этот шаг поставил крест на межгрупповой дружбе, поскольку меньше представителей Конгресса стало перевозить свои семьи в Вашингтон⁵⁸. Политолог Норман Орнштейн писал: «Были времена, когда все члены Конгресса оставались на выходные, организовывали совместные ужины или отдавали детей в одни и те же школы... У нас такого больше нет»⁵⁹.

На Капитолийском холме Гингрич запретил республиканцам сотрудничать с демократами – как в комитетах, так и в палате. При упоминании демократа или Демократической партии республиканцам рекомендовалось использовать уничижающий язык, такие слова, как «упадок» и «больной»⁶¹. Гингрич часто сравнивал партию демократов с нацистами⁶². Когда он вывел республиканцев на поле вражды, многие демократы с энтузиазмом последовали его примеру. Не было больше сделок за закрытыми дверями, как не было двухпартийных собра-

---

⁵⁷ R. Strahan, *Leading representatives: The agency of leaders in the politics of the US House* (JHU Press, 2007).

⁵⁸ J. Haidt, *The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion* (Vintage, 2012).

⁵⁹ C. Gibson, «Restoring Comity to Congress» (Harvard Kennedy School, 2011).

⁶⁰ Политиков, проживающих в Вашингтоне, критикуют как «саквожников» (C. Raasch, in *St. Louis Post-Dispatch* (2016).) и «недосягаемых» для своих избирателей (A. Delaney, in *The Huffington Post* (2012).). Но если вы вынудите всех членов Конгресса жить в одном месте, между ними начнут выстраиваться отношения. Как сказал Орнштейн: «Если вы стоите на бровке во время футбольной игры со своим коллегой, с которым сидите в соседних кабинетах на работе, а также с вами находится его супруг(а), вам будет гораздо сложнее демонизировать его, когда вы окажетесь на рабочем месте» (C. Gibson, *Restoring Comity to Congress* (Harvard Kennedy School, 2011).). Принадлежность к одному сообществу способна восстановить чувства причастности и общей цели, которые были утрачены нашими представителями. Если между нашими представителями не может быть контакта, пусть он будет хотя бы между персоналом. Мало кто знает, что нашим правительством в основном управляют молодые идеалисты чуть старше 20 лет, надеющиеся изменить нашу демократию. Эффективность правительства связана с качеством персонала (J. McCrain, *Legislative staff and policymaking* (Emory University, 2018).). Именно персонал предоставляет представителям информацию, основные тезисы и брифинги. Когда вы звоните своему представителю или посещаете его, вам ответит или встретит молодой сотрудник. Когда вы слышите выступление политика на конференции, именно младший сотрудник кратко изложил информацию для него. Персонал проживает на одной из самых дорогих территорий в США и получает за свой труд копейки, скажем, 20 тысяч долларов США в год. Когда я поговорил с одним из моих бывших студентов, который работает в персонале у сенатора США, он сказал, что у персонала республиканцев и демократов мало возможностей завести отношения в какой бы то ни было форме. Он никогда даже не обедал с сотрудником из другой партии. Если в старшем поколении слишком укоренилась поляризация, то чтобы привести широту взглядов, которая объединит молодежь, надо не так уж много. Многие из этих молодых людей десятки лет пробудут в политике. Через дружбу и даже шапочное знакомство они смогут добиться большего, чем опытное старшее поколение. Но если не дать им этого шанса, то в будущем поляриность продолжит усиливаться.

⁶¹ N. Gingrich, *Language: A Key Mechanism of Control*. Information Clearing House (1996).

⁶² D. Corn, T. Murphy, in *Mother Jones* (2016).

ний или совещаний. Со временем введенные Гингричем нормы распространились также на культуру Сената⁶³.

Джо Байден сказал об отношениях с Джоном Маккейном: «Бывало, мы с Джоном участвовали в дебатах в 90-х. Мы перебирались и сидели рядом, неважно – на стороне демократов или республиканцев... Мы... подвергались суровой критике со стороны руководства обеих партий – почему мы разговаривали и сидели рядом, демонстрируя свою дружбу в разгар дебатов... после революции Гингрича в 90-х. Им не хотелось, чтобы мы сидели рядом, вот тогда-то и начались перемены»⁶⁴.

Когда из переговорных испарилась учтивость, подверглись очернению инструменты, делающие возможными диалоги и компромиссы. Популистские проекты – проекты, финансируемые федеральным правительством и выгодные для относительного меньшинства, – вышли из моды. Популистские проекты могли выглядеть как расточительная привычка, но играли ключевую роль в проталкивании жизненно важных законов. Политолог Шон Келли выяснил, что запрет на популистские проекты от 2010 года заклинил шестеренки, которые позволяли Конгрессу возвращаться⁶⁵. После того как запрет вошел в силу, каждый год стали принимать почти на 100 законов меньше. Вершители политики стали менее успешными, не имея в своем распоряжении морковки, мотивирующей компромиссы.

Политические соперники в либеральной демократии не могут позволить себе быть врагами⁶⁶. Неформальное общение со своими соперниками очеловечивает их. Сотрудничество, переговоры и доверие, которые сейчас в Вашингтоне в большом дефиците, становятся возможными.

Эта книга представляет собой нашу лучшую попытку прийти к «непротиворечивости», как это называет Е. О. Уилсон; к синтезу несопоставимых фрагментов знаний, ведущему к унифицированному объяснению⁶⁷. Мы хотим показать, что принципы более милосердного общества и более успешной демократии основаны на примере всего сущего, от собак до бонобо. Гипотеза об одомашнивании самих себя – не просто очередная история о сотворении мира. Это мощный инструмент, указывающий на реальные решения, способные помочь нам пресечь тенденцию дегуманизации других. Это предупреждение и напоминание о том, что, если мы хотим выжить и эволюционировать, мы должны научиться расширять свою группу.

---

⁶³ S. M. Theriault, D. W. J. T. J. o. P. Rohde, *The Gingrich Senators and party polarization in the US Senate*. 73, 1011–1024 (2011).

⁶⁴ J. Biden, «Remarks: Joe Biden» (2017).

⁶⁵ S. A. Frisch, S. Q. Kelly, *Cheese factories on the moon: Why earmarks are good for American democracy*. (Routledge, 2015).

⁶⁶ C. R. Sunstein, *Can it Happen Here?: Authoritarianism in America*. (Dey St, 2018).

⁶⁷ E. O. Wilson, *Consilience: The unity of knowledge*. (Vintage, New York, 1999).

1. Размышление о мышлении

Когда вам было девять месяцев от роду, до того как начать ходить и говорить, вы научились показывать пальцем. Конечно, тыкать пальцем вы могли с самого рождения, но именно в девять месяцев стали делать это осмысленно. Любопытный жест. Никто из животных так не делает, даже те, у кого есть руки.

Вы должны быть искусственными в чтении чужих мыслей, чтобы понять, что означает этот указательный жест. В целом он значит: «Если вы посмотрите вот туда, то поймете, что я имею в виду»⁶⁸. Но если я вижу, что вы указываете на свою голову, возможных версий может оказаться множество. Вы ссылаетесь на себя? Вы говорите, что я не в своем уме? Я забыл надеть шапку? Указательный жест может относиться как к чему-то в будущем, так и к тому, что было раньше, но сейчас не существует.

До того как вам исполнилось девять месяцев, когда мама указывала на что-то пальцем, вы, скорее всего, смотрели в этом направлении. Когда вам исполнилось девять месяцев, вы начали выстраивать воображаемую линию, соединяющую палец и предмет, на который он указывает. К 16 месяцам вы начали проверять, смотрит ли мама, и уже потом показывали, потому что вам было нужно ее внимание. К двухлетнему возрасту вы знали, что видят и полагают другие люди. Вы понимали случайные и преднамеренные действия. К четырем годам вы могли настолько умно предугадывать чужие мысли, что научились лгать. Также вы могли помочь обманутому⁶⁹.

Указательный жест является ключом к чтению чужих мыслей, к тому, что психологи называют «теория сознания»⁷⁰. Вы проведете всю жизнь, догадываясь, что думают другие. Что означает прикосновение к вашей руке в темноте. Приподнятая бровь, когда вы входите в комнату. И всегда это будут только теории, потому что мы не можем знать наверняка, что у кого на уме. У остальных те же способности, что и у вас: они могут притворяться и лгать.

Теория сознания позволяет нам включиться в самое изощренное взаимодействие и коммуникацию на планете. Она важна почти для любой проблемы, с которой вы когда-либо столкнетесь. Эта теория позволяет путешествовать во времени и учиться у людей, которые жили сотни и даже тысячи лет до вас. Язык важен, но он почти бесполезен, если вы не понимаете, какими знаниями владеет аудитория. Вы можете преподавать, только если помните, каково это – не знать. Любой опыт, вовлекающий других людей, живых или умерших, реальных или воображаемых, опирается на теорию сознания – будь то выбор политической партии, за которую вы голосуете, религия, которую исповедуете, или спорт, которым занимаетесь.

Эта теория является солью вашего бытия. Без нее любовь напоминала бы только картонную фигурку любви, поскольку что есть любовь без волшебного знания о том, что кто-то разделяет ваши чувства?

Теория сознания – вы наслаждаетесь мгновениями, когда, увидев что-то, поворачиваетесь друг к другу и смеетесь. Это удовлетворение от способности закончить предложение, начатое другим, и покой, нисходящий на вас, когда вы молча держитесь за руки. Счастье слаще, если вы думаете, что ваши любимые люди тоже счастливы. Горе не так тяжело переносить, когда вы полагаете, что ушедший от вас человек гордился бы вами.

Также теория сознания является источником страданий. Ненависть вспыхивает ярче, если вы убеждены, что кто-то причинил вам вред преднамеренно. Предательство горче, когда

---

⁶⁸ M. Tomasello, M. Carpenter, U. Liszkowski, A new look at infant pointing. *Child development* 78, 705–722 (2007).

⁶⁹ B. Hare, From hominoid to hominid mind: What changed and why? *Annual Review of Anthropology* 40, 293–309 (2011).

⁷⁰ M. Tomasello, *Becoming human: A theory of ontogeny*. (Belknap Press, 2019).

вы можете перелопатить сотни воспоминаний о каждом мельчайшем жесте, который мог явиться вам предупреждением.

Каждая эмоция усиливает призму, сквозь которую мы видим мир. И хотя мы «ощущаем» свои эмоции в груди, на кончиках пальцев и в утробе, они живут в нашем сознании и по большей части создаются на основе теорий сознания других людей.

Безрадостные дни

Моим самым близким другом в детстве был пес Орео. Родители подарили мне его в восемь лет, и он быстро вырос из щенка, умещавшегося в двух моих ладонях, в 15-килограммового лабрадора с волчьим аппетитом и жизнерадостным характером.

Теплыми вечерами мы сидели рядом на крыльце, он клал голову мне на колени. Меня никогда не смущало, что он не умеет разговаривать. Мне просто нравилось быть рядом с ним, и я размышлял, как выглядит мир его глазами.

Когда я поступил в колледж Университета Эмори, я обнаружил, что исследование сознания животных – серьезное научное направление. Я начал работать с Майком Томаселло, психологом и экспертом в теории детского сознания. Эксперименты Майка над младенцами увязывали ранние теории сознания младенцев с их способностями приобретать разные формы культуры, включая язык⁷¹.

Мы с Майком проработали вместе 10 лет, тестируя возможности теории сознания одного из самых близких родственников человека, живущего на Земле, – шимпанзе. До наших опытов не существовало экспериментальных доказательств того, что животные владеют теорией сознания. Однако наше исследование показало, что ответ еще более сложен.

Шимпанзе обладают некой способностью обозначать сознание других. В наших экспериментах мы выявили, что шимпанзе реально знали не только то, что другие видят, но и то, что другие знают, и могли угадать, о чем теоретически помнят другие, а также были способны понять чужие цели и намерения. Они даже понимали, когда кто-то лгал⁷².

Тот факт, что шимпанзе могли выполнять все эти вещи, приводил к превратному выводу о том, на что они не способны. Шимпанзе умели сотрудничать. Они умели общаться. Но у них возникали трудности, когда они пытались делать все это одновременно. Майк велел мне спрятать кусочек еды под одной из чашек таким образом, чтобы шимпанзе знали, что я спрятал ее, но не знали где. Затем я пытался подсказать им правильный ответ, указывая на миску. В это почти невозможно поверить, но раз за разом шимпанзе игнорировали мой намекающий жест и пытались догадаться самостоятельно. У них начало получаться лишь через дюжины экспериментов. И если мы хотя бы чуть-чуть меняли жест, у них опять ничего не клеилось.

Сначала мы подумали, что шимпанзе испытывали затруднения с использованием жестов, потому что в наших тестах были какие-то нестыковки. Но шимпанзе, кажется, понимали наши намерения, когда речь шла о конкуренции, а не о сотрудничестве, поэтому мы осознали: в их неспособности понимать жесты мог скрываться какой-то смысл.

У человеческих младенцев эта способность подобна внезапно вспыхивающей искре, которая всегда загорается в раннем возрасте, примерно в одно и то же время и всегда до того, как мы можем говорить или использовать простейшие инструменты⁷³. Простой жест, который мы начинаем применять в девять месяцев, – протягиваем руку и тычем указательным паль-

---

⁷¹ M. Tomasello, *Origins of human communication*. (MIT press, 2010).

⁷² B. Hare, *From hominoid to hominid mind: What changed and why?* *Annual Review of Anthropology* 40, 293–309 (2011).

⁷³ M. Tomasello, *Becoming human: A theory of ontogeny*. (Belknap Press, 2019).

цем, наша способность повторять движение матери, указывающей на потерянную игрушку или летящую над нами красивую птичку, – для шимпанзе непонятен и невоспроизводим⁷⁴.

Звезда кооперативной связи, выпавшая из созвездия возможностей теории сознания шимпанзе, впервые появилась у людей⁷⁵. Эта способность возникает до того, как мы произносим свои первые слова или знаем собственное имя, до того, как мы понимаем, что другие могут грустить даже тогда, когда мы счастливы. С другой стороны, она возникает до того, как мы становимся способны совершать плохие поступки и лгать о совершенном или осознаем, что человек, которого мы любим, может не разделять наши чувства.

Эта способность позволяет нам связываться с сознанием других людей. Это дверь в новый социально-культурный мир, где мы наследуем опыт поколений. Все, что в нас есть от *Homo sapiens*, начинается с этой звездной способности. И подобно многим ярким явлениям, она начинается обыденно: младенец начинает понимать намерения, скрытые за жестами родителей.

Если понимание этих совместных намерений является столпом развития всего человеческого, выявив, каким образом развивалась эта способность, мы сможем решить основную часть загадки эволюции человека.

Однажды обсуждая эту проблему с Майком, я выпалил:

– Я думаю, моя собака это умеет.

– Естественно, – довольно заявил Майк, опираясь на спинку стула. – Любая собака умеет выполнять расчеты.

У Майка были причины отнестись к моему заявлению скептически. Сложно впечатлиться животными, которые пьют воду из унитаза и могут запутаться в поводке вокруг фонарного столба. Психологи не считали собак интересными, поэтому исследований по их познавательной деятельности практически не существовало. С 1950 по 1998 год было проведено всего два глобальных эксперимента по изучению интеллекта собак, и оба выявили, что собаки не представляют собой ничего выдающегося. «Как ни странно, – писал один из авторов, – одомашнивание, похоже, не привнесло ничего нового в поведение собак»⁷⁷. Всеобщее внимание было направлено на приматов. Логично было изучать наших родственников-приматов, которые больше всех на нас похожи и чье сознание максимально приближено к нашему в сравнении с другими животными.

Из-за склонности предполагать, что одомашнивание сделало животных менее умными, исследователи, занимающиеся проблемами когнитивной гибкости у нечеловекоподобных животных, думали, что лучше всего искать ответ в дикой природе, где выживание зависело от умения решать проблемы. Откуда у вас возьмется когнитивная гибкость, если вам не нужно думать за себя, если кто-то уже позаботился о вашей пище, крове и размножении? Но я знал своего Орео.

– Нет, правда, готов поспорить, он пройдет тест на понимание жестов.

– Ладно, – согласился Майк, подтрунивая надо мной, – почему бы тебе не провести пилотный эксперимент?

---

⁷⁴ B. Hare, From hominoid to hominid mind: What changed and why? *Annual Review of Anthropology* 40, 293–309 (2011).

⁷⁵ E. Herrmann, J. Call, M. V. Hernandez-Lloreda, B. Hare, M. Tomasello, Humans have evolved specialized skills of social cognition: The cultural intelligence hypothesis. *Science* 317, 1360–1366 (2007).

⁷⁶ A. P. Melis, M. Tomasello, Chimpanzees (*Pan troglodytes*) coordinate by communicating in a collaborative problem-solving task. *Proceedings of the Royal Society B* 286, 20190408 (2019).

⁷⁷ J. P. Scott, The social behavior of dogs and wolves: an illustration of sociobiological systematics. *Annals of the New York Academy of Sciences* 51, 1009–1021 (1950).

Хороший пес

У Орео был особый талант: он мог одновременно держать во рту три теннисных мячика. Когда мы играли в «принеси мячик», я часто бросал два или три мяча в разных направлениях. После того как Орео подбирал первый мяч, он смотрел на меня, чтобы понять, куда я бросил второй. Я показывал ему жестом, и, после того как мячик оказывался у него, он снова оглядывался на меня, чтобы я указал на мяч номер три.

Чтобы продемонстрировать Майку, о чем я говорю, я повел Орео играть в «принеси мячик».

– Эй, старина, пойдём.

Орео стучал хвостом, держа во рту теннисный мяч. Когда он понял, куда мы идем, пес рванул так быстро, будто ему было вполтину меньше лет. Недалеко от нас был большой пруд, где мы с Орео играли.

Орео домчался прямо до кромки воды и залаял. И он бы лаял без остановки, если бы я не бросил мяч.

– О'кей, о'кей! Потерпи немножко!

Я вытащил огромную VHS-видеокамеру из сумки и включил ее. Забросил мяч на середину пруда, а Орео поскакал. На какой-то волшебный миг он взмыл над водой, невесомый, вне времени, раскинув лапы вперед и назад, вывалив язык из улыбающейся пасти.

Всплеск, как и всегда, был эпичным. Схватив мяч, Орео поплыл в мою сторону. Я протянул руку и указал ему налево, но в этот раз больше никаких мячей ему не бросал.

Орео не смог найти мяч слева и опять посмотрел на меня. Я указал вправо. Он поплыл направо. Мяча нет. Он снова взглянул на меня, наострив уши и приподняв брови. Я указал влево. Пес поплыл налево. Затем я позвал его, забрал мяч из пасти и снова бросил, повторив игру с указательным жестом 10 раз, чтобы Майк смог убедиться: реакции Орео – не простое совпадение.

Майк молча просматривал пленку. Затем он перемотал ее и посмотрел еще раз.

Я пребывал в нервном ожидании.

– Вау.

Его глаза горели радостным возбуждением.

– Давай и правда проведем кое-какие эксперименты.

Одинаковое поведение, характерное для двух разных личностей, может быть воспроизведено двумя совершенно разными носителями сознания, которые абсолютно не идентично понимают мир. Чтобы сослаться на комплексное сознание, вам необходимо следовать принципу бережливости⁷⁸

---

⁷⁸ B. Hare, V. Woods, The genius of dogs. (Oneworld Publications, 2013).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.